

Символизм предметов в народной культуре

И.З. Зубец

Изучение символики предметного мира народной культуры позволяет не только лучше понять самих себя, свои корни, но и постичь выверенную в веках житейскую мудрость, философию. Вопросы символики вещей в традиционной культуре посвящены работы исследователей П.Г. Богатырева, В.Н. Топорова, Т.В. Свешниковой, Т.А. Бернштам, А.К. Байбурина и др., ставшие базой для данной работы, в которой эта тема будет рассматриваться на местном материале.

Народная культура, мифологическая в своей основе, глубоко пронизана символами, метафорой. Их возникновению способствовало восприятие человеком всего окружающего как живого. В образах-метафорах уподобляли себя и предметы природе, и наоборот весь мир – себе. Посуда, часто отождествлявшаяся с человеком и животным, с пространственными категориями, получала и соответствующее наименование деталей: ножки, носик, ушко, тулово, а также край, дно, основание. Олицетворяя созданную предметную среду, человек наделял вещи присущими себе свойствами, характером»¹.

Подобное восприятие определяло как конфигурации предметов народного искусства, всегда близких каким-либо естественным формам – растениям, животным, так и материал, из которого они изготавливались.

При этом было важно, чтобы он входил в классификацию с понятиями «счастье», «чистота» и т.п., поэтому основные – глина, дерево, шерсть – обладали особым статусом: именно они послужили исходным материалом для сотворения мира и самого человека². Для живущих в лесах славян, которые относились с большим почтением к деревьям и наделяли многие из них сверхъестественными свойствами, это был наиболее доступный материал. К священным причисляли березу, дуб, ель, сосну, а т.к. исходное сырье, чтобы быть пригодным, должно было удовлетворять не только физическим, но и символическим требованиям, именно данные породы и использовались восточными славянами для изготовления широкого круга предметов.

Со всеми из них человек в традиционной культуре находился в тесной взаимосвязи, не только уподобляя мир вещей себе, природе, космосу, но и включая их в контекст культуры. Предмет содержал в себе магическую силу уже потому, что сам процесс ее создания сравнивался с Божьим творением и нес ритуальное содержание. Оно пе-

редавалось и на готовые изделия мастеров, а магическая сила в них могла усиливаться в зависимости от условий изготовления (пространственно-временных, окказиональных). Значимым при этом оказывалась семантика первого (первая борозда, первый сноп, первенец). Невеста, например, одеваясь к венцу, в качестве оберега от порчи прикалывала к нижней юбке кусочек своей первой вышивки или плетения³.

Магическую способность вещи могли получать и благодаря особой декорировке – операции, переводящей их в область искусственного, освоенного. Декор вещи, неотделимый от ее будущего предназначения, оказывался принципиально важным в народной культуре. Одна из целей украшения вещей – придание им особой силы. В Ярославской губернии, например, вполне готовые к употреблению прялки не использовались и не считались пригодными до тех пор, пока они не будут соответствующим образом украшены⁴. Это был процесс наделения предметов необходимыми свойствами, их оживление, т.е. декор реализовывал не столько эстетическую, сколько магическую и символическую функцию.

Существенную роль при этом выполнял цвет, являвшийся носителем особой информации и заключающий в себе символические значения. Как и в фольклоре, где цветовые эпитеты передавали характеристику объекта, он интерпретировался с бинарных оппозиций: свой – чужой, добро – зло, молодость – старость. При этом красный – самый красивый, по народным представлениям, цвет получал преимущественно положительное истолкование, маркировал наиболее важные локусы (красный угол, например), элементы ритуальных предметов (свадебные одежды, убрusy). Соотносясь с цветом огня, крови, символизировал жизнь, поэтому часто применялся для декорировки семантически значимых бытовых предметов с целью выделения их среди окружения (прялки, праздничная посуда). Кроме того, красный цвет, наделявшийся и защитными свойствами, мог выступать и как оберег.

Высоким семантическим полем обладал белый цвет. Как символ света вообще, самый чистый цвет, ассоциировался с правым, верным, своим, живым. Противопоставленный черному – символу мрака, смерти, чужого, и поэтому мир людей означал «белый свет». Черный цвет, временами синонимичный с синим или любым темным, воспринимался с негативных позиций, был эквивалентен понятию нечисть. В Ростове слово «черный» использовали, остерегаясь прозносить «черт»⁵.

Золотой цвет, который мог иногда заменяться желтым, воспринимался как знак избранничества, сакрального, «инога мира», а также, сливаясь с христианской символикой, получал и дополнительную семантику. Зеленый цвет в народной культуре мог соотноситься

ся с молодостью, растительностью, незрелостью. В свадебной и календарной обрядности получал продуцирующую символику. Синий цвет ассоциировался с небом. Синяя одежда в Ростове считалась праздничной, одевали такую только «в свят день до обеда»⁶. Иными словами, цветовые характеристики в народном искусстве передавали важный смысл – со сменой цвета предмета происходило изменение его семантики, функции, содержания.

Выступая в различных ситуациях, заключая в себе особую семантическую нагрузку, предмет в традиционной культуре исполнял, кроме утилитарных функций, и роль знаков. Он содержал в себе информацию, важный и необходимый для жизни данного коллектива смысл. Так, находясь в типичной ситуации, бытовой предмет выступал в своем прямом предназначении – как обыденная вещь, в метафорической же (в ритуале, народной магии, медицине) становился знаком или символом. Будучи знаком, он фиксировал причинно-следственные отношения «если..., то...», легшие в основу народных примет. Так, например, в Ярославской губернии считалось, что если на ходу распряжется лошадь, то кто-либо из супругов неверен. Женщине, уличенной в прелюбодеянии, сбрую вешали на шею⁷.

Знаковость часто строилась, исходя из характерной для народной культуры оппозиции: правый – левый, свой – чужой, пустой – полный, где семантика полного в фольклоре – идея плодородия, богатства, благополучия. Например, для определения благоприятного места для строительства нового дома клали на ночь в перевернутый дном горшок кусок шерсти. Если оказывалось, что шерсть отсырела, то это место хорошее, если осталось сухой – плохое: в данном случае влага на шерсти выступает знаком добавления, прибыли и расценивается положительно. Признак сухой в народной культуре всегда несет негативную окраску, становясь знаком смерти, безжизненности.

Становясь символом и сопоставляясь с чем-либо, предмет помогал раскрытию глубинного смысла, образа или идеи, овеществляя такие важные для коллектива понятия, которые не всегда столь же адекватно могли быть выражены с помощью слов, как, например, благополучие, судьба, плодородие, здоровье, и давал возможность оказывать на них непосредственное влияние. Так хомут в свадебном обряде мог символизировать невесту⁸. Относясь к предметам, имеющим отверстие, полость, нес ярко выраженную репродуктивную, женскую семантику, поэтому наряду, например, со ступой, квашней символизировал некий рубеж, преграду, для чего его и использовали в магическом ритуале перерождения. Протаскивание через него давало человеку исцеление, очищение. Считалось, если дети не стоят (не живут), надо просаживать их до трех раз в хомут⁹. Такой элемент упряжи как оглобли символизировали в похоронном обряде судьбу,

путь – на них выносили гроб и до самого конца шествия не разу не ставили на землю¹⁰.

Между тем, атрибутами пути являлись и очеп, скамья, половицы, нить. Данный факт указывает на факт синонимии предметов. С другой стороны, наличие у вещи ряда значений, проявляющихся различно, в зависимости от ритуальных обстоятельств, позволяет говорить о полисемантизме.

Он присущ предметам, обладающим значительным ритуально-магическим полем. Зеркало – одно из таких. В народной культуре оно – и опасный предмет, и апотропей. Это связано с различным осмыслением главных свойств и функций зеркала – отражения и удвоения действительности. Свойства зеркала как объекта опасности актуализировались во множестве связанных с ним запретов. Так, например, по широко распространенным представлениям, нельзя подносить к зеркалу ребенка в возрасте до одного года. Отношение к зеркалу как к локусу нечистой силы проявилось во многих верованиях и фольклорных тестах. Семантика зеркала как оберега от нечистой силы, глаза, порчи¹¹ обнаруживается в свадебной обрядности. Между тем зеркало – традиционный атрибут гаданий, которые обычно происходили ночью, в бане, овине – нежилых помещениях, воспринимавшихся народом как место встречи с иным миром. В гаданиях зеркало проявляет еще одно свое значение – границы между земным и потусторонним. Его семантика в данном контексте аналогична восприятию колодца, у которого ворожили, желая узнать имя своего будущего мужа. Для этого девушки на Ростовской земле кидали в воду льдинку, намерзшую у колодца, и прислушивались, какое имя прозвучит, так и будут величать избранника¹².

Полисемантизмом обладали в народной культуре и такие предметы и локусы, которые считались наиболее почитаемым. Они, являясь предметами сакральными, выполняли в быту и ритуалах роль медиаторов, соединяя два мира – свой и чужой. Это очаг и стол, горшки и кувшины, а также солонки, хлебницы, прялки, ткацкие станки, детские колыбели.

Значимость в народной культуре очага (печи) и стола – сакральных центров жилища, обуславливается важностью связанных с ними мифологических представлений. Печь в традиционной культуре – один из важнейших элементов, имеющий глубокий и многоплановый символический смысл, который обеспечивает необходимость ее участия во многих обрядах жизненного цикла. В родинах печь выступает символом женского лона, что нашло отражение в высказывании «Печь нам мать родная», здесь часто происходили роды, здесь совершалось «перепекание» младенца, здесь мог он находиться до крещения. Кроме того, печь несла и женскую символику, символику границы, рубежа. В Ростове во время сватовства невеста дол-

жна была находиться на печи и подавать с нее в знак согласия свахе руку¹³.

Каждодневные бытовые процессы, такие как приготовление пищи, также сопровождались многочисленными предписаниями, что указывает на высокую семиотическую значимость и этих действий. В Ярославской губернии, к примеру, приготовление хлебов в печи уподобляли акту творения (это характерно в народной культуре для создания многих предметов) – крестьянки здесь их не пекли, а «творили». Причем, само это действие сопрягалось с различными приметам, что связано с особой значимостью данного процесса: при выпечке хлеба и приготовлении каши, следили, в какую сторону наклоняется верхушка и в какую сторону выходит каша. Если внутрь печи – к прибыли, удачи, счастью; к устью – к бедности, разорению, убытку¹⁴.

Стол – важный в народной культуре локус, часто маркировавший красный угол, сакральный центр жилища. Полисемантичность стола обуславливает его органичное участие в различных семейных обрядах – крестинах, свадьбах, похоронах. Одно из определяющих символических значений стола, – объединение, согласие – актуализируется наиболее отчетливо в свадебном обряде, все этапы которого (сватовство, рукобитие, венчание) завершаются застольем. Старались не начинать трапезу, пока все не соберутся за стол (символика единения), нельзя и вставать из-за него, пока не поели все остальные. Кроме того, строго регламентированным был и порядок рассаживания во время трапезы, в связи с чем в Ростове возникло выражение «сношники руки», то есть длинные, далеко достающие – в семье молодых снох сажали на конце стола, далеко от общего блюда.

В другом аспекте – как символ границы, рубежа – стол предстает, в частности, также в свадебном обряде, когда выставляется перед женихом в качестве преграды. Амбивалентную символику (пути, преграды) он нес в Ростовском уезде на таком этапе обряда, когда подружки старались «загаживать» стол, засыпая его всяческим мусором, в ожидании в доме невесты жениха, который он и просил за выкуп очистить¹⁵.

С другой стороны, во время подметания полов веник запрещалось поднимать выше стола, чтоб не нарушить его святость. Символом пути человека он становился в похоронном обряде, т.к. на нем, или на лавке, должно было находиться тело перед выносом из избы.

Для осмысления символического статуса стола важно уподобление его церковному престолу, алтарю, поэтому часто над ним находилось наиболее священные предметы избы – образа. Формула «стол-престол» была очень распространена у русского населения, из-за этого не разрешалось помещать на стол посторонние предметы¹⁶. Символом высоты, неба являлся стол при крестинах, когда ус-

траивали обряд «вхождения в рай». Он в Ярославской губернии заключался в том, что нужно было сначала три раза обойти вокруг стола, а затем и сесть за него¹⁷. Обходить по кругу стол¹⁸, подобно, как и аналой, могли молодые – брачная символика. Троекратный обход вокруг стола применялся и при муках роженицы, что считалось синонимичным открытию Царских врат.

Между тем запрещалось обходить вокруг стола, то есть заходить с одной, а выходить с другой стороны. В Ярославской губернии крестьяне считали, что «у выходящего кругом стола не будут жить крестники»¹⁹. Запрещалось и класть на него посторонние предметы. Противоречивость многочисленных правил и запретов, связанных со столом, объясняется амбивалентностью его осмысления в народной культуре.

Поскольку вышеназванные локусы обладали повышенным семантическим статусом, он распространялся и на все функционально связанные с ними предметы. Так, кухонная посуда наделялась особой значимостью, как причастная к приготовлению пищи, к столу и к ритуалу трапезы. Трапеза в древности являлась постоянным эпизодом множества магических обрядов и ритуалов: погребальных пиров, мирских братчин, городских и сельских общин. Являясь одним из обязательных и существенных элементов дома, посуда находилась в постоянной связи с хозяином, который использовал ее в быту и ритуалах.

Необходимо отметить, что важнейшим определяющим фактором при этом становилось наличие украшения на сосудах, что повышало их статус, наделяло магическими свойствами. Так, у южных славян записан обряд, при котором воду для хлебной закваски старались зачерпнуть из трех разных источников сосудом, который был украшен цветами и травами²⁰.

Особыми символическими функциями наделялась утварь для выпечки хлеба. Это обусловлено общей значимостью хлеба в славянской культуре²¹. Он для славян являлся и лекарством, и оберегом, его считали «Божьей благодатью» и жертвенной пищей²². На него совершали наговоры, использовали при гаданиях²³. Хлеб – предмет священный, выступающий как символ солнца²⁴. Он является обязательным элементом такого важного для крестьянина обряда, как свадьба, где находит применение на всех ее этапах, символизируя благополучие и оберегая молодых. Для этого молодые после венца обязательно должны были съесть горбушку хлеба, чтобы жить дружно. Затем жених еще один ломоть – чтобы теща любила²⁵. В Ростовском уезде Ярославской губернии хлеб как обрядовый символ также находит применение на всех ответственных этапах свадьбы. Когда невесту собирают к венцу, когда за ней приходит дружки, все подходят к ковриге хлеба²⁶.

Среди связанных с хлебом и несущим в народном быту особый смысл предметов являлась хлебница. Она занимала в доме почетное место. На севере бывшей Ростовской епархии ее расписывали яркими красками, сопровождая сюжет нравоучительной надписью: «Кто Бога почитает, тот Божий дар сохраняет, кому церковь не мать, тому Бог не отец» или « Не пей по две, Ваня»²⁷. При этом сакральность слова подчеркивала магические свойства предмета. Ее важность определялась значимостью хлеба для христианина, который воспринимался в качестве символа причастия, а его значимость тонко отражает русская пословица: «Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска, так и стол доска»²⁸.

Особенно разнообразны ритуальные функции хлебной квашни в ростовском уезде – творильника²⁹. Она наделялась продуцирующей символикой. Обеспечивая заквашивание теста и увеличения его объема, осмысливается символически как проявление специфически свойственного ей качества. Согласно поверьям, подход теста зависит от состояния квашни в такой же мере, как от усердия хозяйки. Квашня часто использовалась и как оберег. При граде или пожаре ее выносили на улицу, клали на нее хлеб-соль и помещали тут же икону³⁰. По некоторым наблюдениям, могла являться символом солнца³¹. По убеждениям крестьян, ее требовалось вносить в новое жилище первой³². Использовалась квашня и в лечебной магии. В некоторых губерниях в нее, поверх теста, клали больного ребенка, подверженного порче. Прикрыв крышкой, оставляли его на полчаса, чтобы пропотел. Получала квашня роль и в погребальных обрядах. Вернувшись с кладбища, брались за нее, чтобы покойник не был голодным на том свете³³.

Наиболее важная роль отводилась квашне в важнейшем этапе свадебного обряда – сажании на нее невесты. Глубинная семантика данного ритуала связана с тем, что в наиболее опасный переходный момент смены прически и головного убора молодая приобщалась к высшим силам. Ей передавались свойства, ассоциирующиеся с короваем, поднимающимся тестом – изобилием, производительными способностями³⁴.

Как женский атрибут, могла использоваться в святочных гаданиях. Для этого девушка надевала квашню на голову и, отворив ворота, шла на улицу. Если ей это удавалось, значит, она скоро выйдет замуж. В Ростовском уезде квашню прятали в снеге, и девушка с завязанными глазами искала ее, бродя по сугробам и размахивая во все стороны мутовкой. Если она найдет квашню и ударит по ней мутовкой – быть ей замужем скоро, а если нет – «сидеть в девицах»³⁵. Здесь необходимо, пожалуй, отметить и роль мутовки – именно так называли здесь не только предмет кухонной утвари, но и сваху³⁶ как предмет, обладающий брачной символикой.

Подобное гадание могло совершаться не только с квашней, но и с солонкой³⁷, часто использовавшейся в ритуалах, в связи с тем, что соль в народной культуре считалась не менее важным продуктом, чем хлеб. Обрядовые функции солонки (солоницы), подобно тому, как и у хлебницы, сита, квашни обуславливаются ценностью того, что в ней содержалось. Вкусовые качества соли и ее недостаток в глубокой древности сделали этот продукт особенно ценным и необходимым компонентом обрядов. Чаще при этом ассоциировалась с женским началом.

В поверьях восточных славян соль относилась к оберегу. «Соль тебе в глаза» – восточнославянская формула для предотвращения последствий сглаза или урона³⁸. Ее считали лучшим средством от порчи – в Вологодской губ. невесте перед венцом натирали темя солью, чтобы предохранить от сглазу³⁹. С солонкой обращались очень бережно, в ней воплощался дом, хозяйство, благополучие семьи, поэтому она должна была находиться постоянно наполненной, как и дом, полный добра, к чему человек стремился всю жизнь⁴⁰. Солонка занимала на столе центральное, организующее место, ее всегда стремились художественно украсить. Солонка использовалась в обрядах календарного цикла как элемент продуцирующей магии. В свадебном обряде Ярославской губернии солонка выступала символом достатка, единения: здесь дружки разрезали хлебы напополам, половинки хлеба жениха и невесты складывали, мешали соль жениха и невесты, часть всыпали в свою солонку и все завязывали в платок⁴¹. В одних регионах солонка входила в состав девичьего приданого, в других – перед браком ее посылал жених невесте вместе с калачом; хлеб с солонкой посылался взаимно от невесты к жениху⁴². С солонкой встречали и новобрачных после венца. В данном случае, видимо, утварь приняла на себя роль содержимого – соли и выполняла апотропеическую функцию. Ее также могла приносить невеста в дом будущего мужа, и она считалась ее собственностью⁴³ и ее «представительницей».

Солоница, как и другая утварь, в народном быту преимущественно была деревянной. Она часто имела крышку, которая служила не только для предохранения содержимого, но и рассматривалась русскими как средство от проникновения нечистой силы⁴⁴. Особый семантический статус этого сосуда в народной культуре отразился в ее форме и декоре.

К предметам утвари, заключающим в себе символическое значение и с которыми связывались различные верования и магические обряды, относились также горшки, кувшины и любые другие сосуды, в народе – судна. Они могли использоваться в народной медицине, гаданиях. Будучи предметом, имеющим полость, содержали символику женского чрева. Важнейшей особенностью посуды ста-

новилось то ее свойство, во многом определявшее символическое значение, что она могла являться вместилищем чего-либо подобно тому, как человеческое тело – души⁴⁵. В связи с этим, в частности, одно из значений горшка – символ человека, его судьбы. Данное представление нашло отражение как в поверьях и приметах (если каша из горшка выпуркнула – кому-нибудь из дома уехать), так и в обрядах. В традиционном битье посуды, отражающем переход в новый статус и характерном для переломных моментов жизни (рождение, свадьба), в лексике. Например, в Ростове говорили: «Девки – посуда аховая: и не увидишь, как разобьется⁴⁶».

Наибольшая семантическая роль отводилась сосудам (горшкам, кувшинам) в похоронных обрядах и связанных с культом предков, являясь неперменным атрибутом погребальной процессии. В Ярославской губернии, например, в головы умирающего ставили любой сосуд с чистой водой, в котором душа, выйдя из тела, могла бы омыться от грехов⁴⁷. Горшок, в котором обмывали умершего, как и другие, связанные с этой процедурой предметы, относили на перекресток или закапывали. Особую роль играл горшок в народной медицине – после родов повитуха «накидывала» роженице горшок на живот⁴⁸. Кроме того, продырявленные судна – горшки, кувшины, корчаги в Ростовском уезде привешивали под насест, чтобы водились лучше курицы⁴⁹.

Среди столовой посуды наиболее разнообразными символическими функциями обладала ложка – символ сытости, благосостояния, довольства. Ложку использовали в народной медицине, любовной магии⁵⁰, Символику пути, судьбы она приобретала в Ярославской губернии в гаданиях и во время свадебного пира. Новобрачным, которые в это время не пьют и не кушают, клали одну на двоих ложку⁵¹ так, чтоб она находилась ручкой от молодых. Чтобы узнать, в какую сторону и замуж идти, бросали в кадку с водой, раскручивали мутовкой и наблюдали, куда ложка пристанет черенком. Подобное гадание было и в Костромской губернии. Здесь в Семик девушки варили кашу, а потом кидали ложки через завитую березку и смотрели, в какую сторону черенком упадет ложка, оттуда будет и суженый.

Несмотря на то, что чаще ассоциировалась с женским началом, считалось, если упадет ложка, то придет женщина, если нож – мужчина, символизировала и человека вообще. Это значение ложки объясняется тем, что она была одной из немногих личных вещей крестьянина, ее помечали, избегали пользоваться чужой⁵². Отождествляясь с владельцем, часто выступала в различных обрядах – поминальных, крестильных, свадебных. Ложка, повернутая выемкой вверх, использовалась на заупокойной трапезе. Лишняя ложка, оказавшаяся на столе, предвещала приход гостей. Была главным подар-

ком младенцу. В окрестностях Ростова ее клали под подножье венчающимся, если кто-то из молодых болен. В этом случае он, обходя аналой, старался наступить и раздавить ложку, чтобы, как считалось «не завенчать болезни»⁵³.

Считалось, что оставлять ложку, опирающуюся одним концом о миску, другим о стол – нельзя, так как она может стать мостиком, по которому в пищу проникнет нечесть. Кроме перечисленных значений судьбы, пути, человека, несла и фаллическую семантику в обрядах ряжения, роста – в масленичных играх.

Широкое применение в обрядах находила и тарелка. Наиболее характерное ее применение в качестве своеобразного подноса, на котором что-либо выносилось, подавалось или, наоборот, собиралось. Тарелка была атрибутом свадебного обряда: на нее могли складывать выплетенные из косы невесты ленточки и подавали жениху ее гребень. В Ростовской свадьбе тарелка использовалась во время величания: девушки исполняли величальные песни, каждый куплет которой относился к отдельному гостю, и подходили к тому, кому он посвящался с блюдечком (тарелкой). На нее в знак благодарности должны были положить деньги: мужчины – серебро, женщины – чаще медь. На тарелке выносила свекровь рубаху после первой брачной ночи, а сваха накрывала одну тарелку другой, когда нужно было гостям расходиться.

Между тем тарелка использовалась во время различных девичьих гаданий: на полу оставляли тарелку с водой и насыпали кучками жито и просо, затем смотрели, куда направляется петух: если к тарелке – муж будет пьяница, а если к зернам – домовитым. Наполнявшая крестьянскую избу утварь, изготавливалась, приобреталась, хранилась, естественно, исходя из чисто практического использования. Однако в отдельные, с точки зрения крестьянина, важные моменты жизни, почти каждый из ее предметов превращался из вещи утилитарной в символическую. Обилие различных поверий, запретов, предписаний на использование кухонной утвари в народной культуре свидетельствует о ее важном символическом значении.

Кроме посуды большим семантическим полем выделяются в народном быту и орудия труда крестьянина, и отдельные предметы его интерьера.

Среди них следует назвать колыбель. Во всех славянских традициях было принято украшать ее росписью, резьбой, инкрустацией, надписями, имеющими магическое значение. В своем символическом статусе колыбель соотносилась с материнской утробой. Она считалась первой обителью человека, объектом и локусом магических оберегов, которые были направлены на защиту жизни и здоровья ребенка. В народном быту могли использоваться колыбели, имеющие многообразные конструкции и изготовленные из различных

материалов, которым придавалось большое значение: деревянные, лубяные, полотняные. На Русском Севере значение придавалось также и оцепу – шесту, на котором крепилась колыбель к потолочной балке. В Ярославской губернии его старались делать из березы или ели, чтоб ребенок крепче спал, а, желая иметь больше детей, вырубали в густой чаще леса, старались подвешивать в центре горницы, чтобы она находилась посередине – это было важно для младенца⁵⁴. Кроме того, всяческое положение колыбели обуславливалось мифологически: стремлением оградить от нижнего мира.

Высокий семантический статус колыбели предопределял и комплекс предписаний и запретов. Первое укладывание ребенка в колыбель было сопряжено с рядом условий: обычно это делалось не сразу после рождения, а лишь после крещения. До этого его держали в корзине, лукошке, корыте, подложив под него солому в память о «христовой колыбели». Зыбку окуривали ладаном или помещали в нее ката, подвешивали колокольчики. В течение первого года жизни младенца клали в колыбель благословясь, иначе «нечистый подменит ребенка». Запрещалось и качать пустую люльку – ребенок лишится сна, не разрешалось помещать в нее посторонние предметы, вещи. Колыбель хранили, дарили – выбрасывать было нельзя.

Когда ребенок немного подрастал, ему приобретали детский стульчик для обучения сидению и стоянию, редкой разновидностью которого являлся выполненный в виде небольшого креслица с колесиками. Он, подобно колыбели, красочно декорировался сюжетными росписями, являющимися своеобразной «программой», по которой ребенку предстояло подрастать и взрослеть. Подобный состав росписей объясняется тем, что стул является предметом ритуальным: в контексте традиционной культуры способность стоять является неотъемлемой чертой именно человека, устанавливалась синонимическая связь между словами «стоять» и «жить». Эти знаковые отношения двух глаголов раскрываются на примере народных поверий: «Не стоят (не живут, умирают) дети, так выбивают косяки»⁵⁵. В связи с этим и сам процесс обучение стоянию носил ритуализированный характер.

Кроме прялки особую роль в народном быту играл ткацкий стан. Он имелся в каждом доме, обладал разнообразными символическими функциями, главной, видимо, из которых была мироустроительная. Повышенным семантическим статусом обладали все орудия труда, имеющие отношение ко льну, который «одевал» человека, к нити.

Известно, например, что ритуальными свойствами наделялся гребень. Существенная роль отводилась гребню в свадебном обряде, когда невесте, по традиции, расплетают косу на две. В Псковской губернии, например, в этот момент родственники подходят к невесте, обмачивают гребень в сыченой воде, проводят по волосам, целу-

ют и кладут в чашку деньги⁵⁶, выражая тем самым благопожелания. Функция оберега, которую выполнял в народной культуре гребень, определяла и его декор, содержащий сакральные знаки. Часто это характерные для трехгранно-выемчатой резьбы розетки, а также изображения льва и единорога у древа. Эта композиция, изначально известная по древнейшим памятникам искусства, была переосмыслена в русле христианской символики, где древо означало церковь Христову, а единорог – чистоту девы Марии.

Магическая сила гребня находит отражение в русском фольклоре – он часто упоминается среди сакральных предметов в заговорах, например, в Ярославской губернии, когда желают стать богатыми: «На кияне-море есть остров Буян, на том Буяне острове есть злат стул, на том стуле сидит белая белица... чешет густые волосы златым гребнем⁵⁷». Герои русских сказок, спасаясь от преследования нечистой силы, бросали за спину гребень. В этой поэтической формуле находит выражение охранительная сила гребня, его функция апотропа, а также в ветхозаветном предании о Самсоне и Далиле, где повествуется о заключенной в волосах силе пророков. Эта библейская история, распространенная в русском декоративно-прикладном искусстве, воплощается в росписи на одном из немногочисленных предметов интерьера избы – сундуке.

Сундук в крестьянской избе являлся вместилищем различного рода скарба. На его внутренней поверхности часто помещались композиции с нравоучительными изображениями, среди которых особое место отводилось назидательным сюжетам и сюжетам-притчам: «Неверная жена», «Самсон и Далила», «История Эсфири» и другие. Набор сюжетов объясняется тем ритуальным значением, которое имел сундук, являясь важным компонентом приданого невесты – будущей жены.

Он, помещавшийся на видном месте, являлся символом достатка, трудолюбия невесты, тайны (в зависимости от предназначения, был доступен только хозяину или хозяйке). Его часто украшали цветными половиками. Важная роль, подобно и другим предметам, отводилась ему в свадебном ритуале. В нем копилось приданое невесты, которое в Ярославской губернии и перевозилось с почестями дружками перед венчанием⁵⁸. При этом считалось – чем тяжелее сундук, тем богаче, трудолюбивее невеста, поэтому случалось так, что на его дно приходилось укладывать камни. Сидя на своем сундуке, который мог достаться девушке в наследство от матери или бабушки, невеста причитала перед выносом его из избы. Важным оказывается и сопоставление сундука с царскими вратами. Так в Ростовском уезде, когда женщина рожала (чаще в бане), по углам ставили раскрытые сундуки. Если же роды затягивались, просили батюшку открыть и царские врата. Между тем сундук мог символизировать и

ковчег, когда в нем хранились ценные бумаги, вещи, реликвии семьи.

Обрядовая роль в народной культуре принадлежала и такому, на первый взгляд, утилитарному предмету, как сани. Свое особое значение они приобретали в свадебном и похоронном обряде. «Употребление саней при похоронном обряде, – отмечает Д.Н. Анучин, – не только зимой, но и летом было делом обычным⁵⁹. Оставляемый полозьями след при этом, возможно, символизировал путь. Сани использовались и в проводах масленицы, во время которых молодежь скатывалась с гор на «долгий лен». Сходные функции продуцирующей магии, возможно, имел и обряд, зафиксированный в Ярославской губернии. Зимой в Ростовском уезде, по воскресеньям, девицы гуляли по улицам попарно с «беломойными» саночками. Они могли быть порожними, а иногда на них сажали детей. Молодцы в это время ходили группой подле этой длинной «гусеницы» девиц и их санок, высматривая невест, пели песни⁶⁰. На насыщенность символики в этом предмете указывает и тот факт, что в Северодвинском регионе небольшого размера сани, украшенные росписью⁶¹, наряду с другими предметами входили в состав свадебного подарка жениха и назывались «свадебными»⁶². На богато украшенных санях обычно везли в церковь невесту. Как полагает Б.А. Успенский, положение на сани символизировало именно приобщение к потустороннему миру⁶³, что было существенно для обряда перехода из одного статуса в другой, которыми и являлись похороны и свадьба.

Итак, рассмотренные выше материалы убеждают, что народное искусство, являясь органической, неотъемлемой частью традиционной культуры, выполняло в жизни человека важную роль. Оно придавало крестьянскому миру целостность и завершенность, оберегало, создавало комфортное окружение, формировало и отражало мировоззрение, выполняло обыденные функции. Утилитарные по своей сути изделия из дерева вторгались во все сферы жизни народа, одновременно неся в себе качества мироустройства окружающего, обрядовые и ритуальные функции.

**

¹ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 357.

² А.К. Байбурин Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. М., 1989. С. 65.

³ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., Наука, 1980. С. 50.

⁴ Байбурин А.К. О жизни вещей в народной культуре // ЖС 1996. № 3 С. 2-6.

⁵ В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губернии) говора. СПб., 1902. С. 99.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Дерунов С.Я. Село Козьмодемьянское, Щетинской вол. Пошехонского уезда//ЯГВ 1889. № 69.с. 4.

- ⁸ Данное соотнесение нашло отражение и на лингвистическом уровне: слова *упряжь* и *супруги* являются этимологически родственными.
- ⁹ Даль В. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. I. С-Пб.-М., Издание книгопродавца-типографа М.О.Вольфа. 1879. С.480
- ¹⁰ Возможно, здесь прослеживаются отголоски древнего русского обычая везти покойника на санях.
- ¹¹ Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. М., 1994, с. 118-119, 121.
- ¹² См отчет об экспедиции ГМЗРК от 23.09.07.
- ¹³ Волоцкий В. Сборник материалов...С. 80.
- ¹⁴ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 162.
- ¹⁵ ГМЗРК. Р-986. Л. 4 (об.)
- ¹⁶ Отчет об экспедиции ГМЗРК от 11. 08. 05.
- ¹⁷ См. отчет об экспедиции ГМЗРК от 17.08.06.
- ¹⁸ Даль В. Пословицы... С. 477.
- ¹⁹ Костоловский И.В. Из поверий Ярославского края // ЭО.1913, №1-2, с. 219.
- ²⁰ Цит. по Виноградова Л.Н. Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды)//Признаковое пространство культуры/Отв. ред.С.М. Толстая. – М.: «Индрик», 2002. -432. (Библиотека Института славяноведения РАН. 15) С. 45.
- ²¹ Топорков Л.Л. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – нач. XX вв. Вып. 2 М., 1990. С.69
- ²² Байбурин А.К., Фрадкин В.З. Послесловие. Николай Федорович Сумцов и его работа в области обрядовой символики// Сумцов. Н.Ф. Символика славянских обрядов. С. 276.
- ²³ Отчет об экспедиции ГМЗРК от 11.08. 05.
- ²⁴ Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов. М., 1996. С. 110.
- ²⁵ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губ.) СПб., С. 138.
- ²⁶ ГАЯО Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 15 Л. 24.
- ²⁷ Воронина Т.А. Пища и утварь // Русский Север. Этническая история и народная культура XII-XXвв. М., 2001. С. 377.
- ²⁸ Даль В. Пословицы... С. 72.
- ²⁹ В. Волоцкий. Сборник материалов...С. 92.
- ³⁰ Славянские древности. Т. 2. М., 1999. С. 46-47.
- ³¹ Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов. М., 1996. С. 115.
- ³² Там же. (Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губ.) СПб., С. 132.) Там же.
- ³³ Славянские древности. Т. 2. М., 1999. С. 46-47.
- ³⁴ Топорков Л.Л. Домашняя утварь...С.77.
- ³⁵ Ивановский В.И. Святочные обычаи «ряжение» и «гадание» в Вощажниковской волости Ростовского уезда Ярославской губернии. М., Печатня А.И. Снегиревой. 1902. 26 с.
- ³⁶ РФ ГАЯО. Р – 1333. Оп. 1, д. 15. Л. 3.
- ³⁷ См отчет об экспедиции ГМЗРК от 23.08.07.
- ³⁸ Зеленин Д.К. Магические функции примитивных орудий // Изв. АН СССР. Ч. 7. Отдел общественных наук. Л., 1931.№6. С. 738.
- ³⁹ Жарникова С.В. Золотая нить. Вологда. 2003. С. 88.

- 40 Лаврентьева Л.С. Соль в обрядах и верованиях восточных славян // Из культурного наследия народов восточной Европы. Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. XLV. С. 49.
- 41 ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп.1.Д.15. Л.10
- 42 Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. IV. С. 147.
- 43 Маслова Г.С. Станюкович Т.В. Пища и утварь // Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР. М., 1960. С. 156.
- 44 Зеленин Д.К. Магические функции...С. 750.
- 45 Данное представление основывалось на словах их Нового Завета, где говорится: «И ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести» (1 Солуныям IV, 4).
- 46 В. Волоцкий. Сборник материалов...С. 19.
- 47 Балов А. Народные суеверия и предрассудки в Пошехонском уезде//ЯГВ 1888. №43. с.3.
- 48 Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губ. СПб., 1993. С. 141.
- 49 Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губ. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., В Синодальной типографии. 1885. С. 264.
- 50 Топорков Л.Л. Домашняя утварь...С. 92.
- 51 ЯГВ. Неофициальная часть. 1889. № 70. С. 4.
- 52 Топорков Л.Л. Домашняя утварь... С. 91.
- 53 РФ ГАЯО. Р – 1333. Оп. 1, д. 15. Л. 10 (об.)
- 54 См отчет об экспедиции ГМЗРК от1708. 06
- 55 Даль В. Пословицы... С.480.
- 56 Свадебные обряды и обычаи в Островском уезде Псковской губернии // Живая старина, 1912. С.82.
- 57 Дерунов С. Поэтические и суеверные воззрения народа в Пошехонском уезде // ЯГВ, 1870, №45. С.169.
- 58 См отчет об экспедиции ГМЗРК от 1708.06
- 59 Анучин Д.Н. Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда. М., 1890. С. 1-2.
- 60 Артынов А. Воспоминания крестьянина село Угодичи А. Артынова. М., 1882. С. 36.
- 61 Об этом подробнее см. Пермогорские росписи в собрании ГМЗРК.
- 62 Жегалова С.К. Экспедиция ГИМ на Северную Двину//СЭ.1960.№3. С.
- 63 Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры // Избранные труды. Т. I. М., 1994. С. 325.